

УДК: 930:355/359.07

DOI: 10.24411/1026-8804-2018-00011

Приамурский военный округ: военно-административные преобразования накануне Первой мировой войны (1906—1914 гг.)

Роман Сергеевич Авилов,

кандидат исторических наук, и.о. старшего научного
сотрудника Института истории, археологии и этногра-
фии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: avilov-1987@mail.ru

В статье анализируются военно-административные преобразования в Приамурском военном округе накануне Первой мировой войны, направленные на совершенствование системы военно-окружного управления. Преобразования были обусловлены изменением военно-стратегического положения и значительным ростом численности русских войск в регионе после Русско-японской войны 1904—1905 гг., а также объективной необходимостью совершенствования систем военного и гражданского управления регионом, теснейшим образом переплетённых между собой. Реорганизации начались в 1906 г., т.е. вскоре после войны, ещё до окончания Первой русской революции 1905—1907 гг. и завершения в 1909 г. подготовки общероссийской военной реформы. В 1906—1907 гг. была скорректирована структура Окружного штаба, в 1908—1912 гг. — реформирована система военно-окружных управлений. В результате структура Приамурского военного округа была обновлена в соответствии с текущей обстановкой в регионе и максимально приблизилась к типовой структуре военных округов Российской империи накануне Первой мировой войны. Одновременно на Дальнем Востоке происходило реформирование системы местного военного и гражданского управления. В 1907—1909 гг. изменили систему управления северным Сахалином, скорректировали систему управления Приморской областью. Пик реформы пришёлся на 1910 г., когда была упразднена должность командующего войсками Амурской области и разделены должности Командующего войсками Приамурского военного округа и Приамурского генерал-губернатора, которые с момента формирования округа в 1884 г. занимал всегда один и тот же человек. Именно удачность проведённых преобразований обусловила успешную работу системы военно-окружного управления в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Дальний Восток России, русская армия, военные реформы, Приамурский военный округ, военно-окружная система, Первая мировая война.

Priamur Military District: the Reforms of the Military Administration before World War I (1906—1914).

Roman Avilov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: avilov-1987@mail.ru.

The paper analyzes the reforms of military administration in the Priamur Military District before World War I, which were focused on the improvement of the system of the military district administration. The reorganization was determined by the changes in the current strategic situation and considerable increase of Russian military strength in the region after the Russo-Japanese War of 1904—1905. Another reason was the necessity to develop the regional systems of the military and civil administration, which were vastly connected to each other.

The reorganizations began in 1906, soon after the end of the war, yet before the end of the First Russian Revolution of 1905—1907, and before the completion of the preparation of the general reform of the Russian Army in 1909. In 1906—1907, the structure of the Military District Staff was adjusted. In 1908—1912, the system of the military district administration was reformed. As a result, the administrative structure of the Priamur Military District was renovated in accordance with the current regional situation and approached at most to the administration structure, which was typical for the military districts of the Russian Empire before World War I.

At the same time, a reform of military and civil regional administration took place. In 1907—1909, the administration of northern Sakhalin was changed, the administration of the Maritime Province was adjusted. The main part of the reform was realized in 1910, when the office of the Commander of the Amur Province was abolished, and two other offices were separated: the Commander of the troops of the Priamur Military District and the Priamur Governor-General. From the creation of the Priamur Military District in 1884 and until this moment, there had always been one and the same person in both offices. A successful operation of the regional military district system during World War I happened due to the efficient reforms.

Keywords: Russian Far East, Russian Army, military reforms, Priamur Military District, military district system, World War I.

При общей недостаточной изученности истории реорганизации русской армии и системы местного военного управления накануне Первой мировой войны, т.е. в период 1910—1914 гг., исследованию проблемы реформирования системы управления Приамурского военного округа не было уделено достаточно внимания. Авторы советских, эмигрантских, современных и даже иностранных обобщающих работ практически не касаются этих вопросов [1; 5; 7; 10; 17; 18]. Более того, даже в специальных исследованиях, посвящённых военной истории российского Дальнего Востока во второй половине XIX — начале XX в., они рассматриваются

лишь вскользь [8, с. 46—54; 11, с. 161—173]. Поэтому целью работы стало изучение военно-административных преобразований в Приамурском военном округе накануне Первой мировой войны, т.е. в 1906—1914 гг. При этом их всестороннее исследование имеет принципиальное значение для понимания процессов преобразования теснейшим образом переплетённых между собой систем военного и гражданского управления в регионе накануне Первой мировой войны. Также можно проследить, как на местном уровне — в Приамурском военном округе — со всеми его особенностями и региональной спецификой осуществлялась общероссийская военная реформа, в ходе которой типовые решения адаптировали к своеобразным условиям региона, а затем выявить, насколько эта адаптация была удачна, рациональна и какие последствия имела. Именно указанные вопросы и определили задачи исследования.

Девять лет между двумя войнами начала XX в. (Русско-японской 1904—1905 гг. и Первой мировой 1914—1918 гг.) стали эпохой для русской армии, которую удалось не только вывести из революционного порыва, но и превратить из «дезорганизованного вооружённого бессилия» в «организованную вооружённую силу» [7, с. 134]. Это потребовало серьёзной корректировки системы как центрального, так и местного военного управления.

Начали с первого, реформируя центральный аппарат Военного министерства на протяжении 1905—1910 гг. с разной степенью интенсивности и периодическими перерывами на очередные противостояния в Петербурге военных, морских и дворцовых группировок, каждая из которых отстаивала свою точку зрения и в большинстве случаев категорически не желала не только идти на компромисс с оппонентами, но даже слушать их [17, с. 14—182, 103—144, 285—333]. В целом ситуация выглядела следующим образом. Летом 1905 г.¹ было создано независимое от военного министра Главное Управление Генерального Штаба (ГУГШ), подчинённое непосредственно императору. Генерал-инспекторы пехоты (должность восстановили в 1906 г.), кавалерии (должность восстановили в 1895 г.) и по инженерной части (должность восстановили в 1904 г.) тоже подчинялись императору. При этом военный и морской министры, начальник ГУГШ и генерал-инспекторы были подчинены существовавшему в 1905—1909 гг. Совету Государственной обороны (СГО) во главе с великим князем Николаем Николаевичем-мл. [4, с. 36—37], созданному «для объединения деятельности

¹ Все даты приведены по юлианскому календарю, т.е. по старому стилю.

высшего военного и морского управления и согласования её с деятельностью других правительственных учреждений по вопросам, относящимся к безопасности государства» [12, Т. 25, № 26374].

Историк-эмигрант А.А. Керсновский отмечал, что этот «многоголовый анархический организм — оказался совершенно не в состоянии справиться со своей сложной и ответственной задачей. Заседания этого разношёрстного Ноевого ковчега носили характер совершенно сумбурный. Заседания Совета Государственной обороны Столыпин характеризовал „бедламом“, великий князь Сергей Михайлович — „кошачьим концертом“, а генерал Палицын — один из инициаторов этого учреждения — просто „кабаком“» [7, с. 132].

СГО действительно работал крайне неэффективно, периодически ища оправдания и углубляясь в философию вместо оперативной разработки необходимых мер. Так, 25 декабря 1907 г. великий князь Николай Николаевич-мл., перед тем как перейти к изложению предположений о реорганизации армии, писал: «Долг лиц, поставленных на высшей ступени военной иерархии, призвать и побудить все силы для направления к общей цели — пользуясь уроками последней войны и кладом в лице истории и науки — довести состояние обороны государства до наивысшей высоты. Исключительно тяжёлые исторические события, которые переживает Россия, служат смягчающими вину обстоятельствами тому, что до сих пор в этом отношении так мало сделано, но они далеко не оправдывают. Все военные, и чем выше в военной иерархии тем более, должны признать себя виновными в том, что со времени окончания истёкшей войны пока так ещё мало сделано для поднятия обороны государства. Оправдаться перед своей совестью, как военные, так и верноподданные, мы можем только тогда, когда будем в состоянии себе сказать: да, мы сделали всё, что было в наших силах, при самом крайнем их напряжении» [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 246. Л. 1—1 об.].

Неудивительно, что среди прочих, действительно дельных мер, направленных на реформирование армии, в СГО додумались и до очень актуальных даже по современным российским меркам «оптимизационных» решений: «Необходим пересмотр и переоценка земельных ценностей военного министерства. В одном Петербурге есть много плохих казарм в центре города, занимающих громадные пространства не только без пользы для войск, но к вреду для них. Продав эти казармы можно выстроить на другом месте новые, во всех отношениях представляющие собою последнее слово совершенства, и сделать громадные сбережения. Это будет

истинная и производительная государственная экономия. Если подсчитать всё, что можно выручить от такой продажи земли, то можно рассчитывать на выручку десятков миллионов рублей. Такая сумма поможет разрешить наболевший казарменный вопрос, требующий, для водворения в войсках правильного внутреннего порядка и дисциплины, скорейшего разрешения. Конечно, для этого требуется законодательное творчество, так как прямой закон этому пока препятствует» [ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 246. Л. 3].

Ситуация же была близка к катастрофической не только в армии. На заседаниях особого совещания СГО об организации обороны низовьев р. Амур, например, выяснилось, что в Петербурге до сих пор даже географии региона толком никто не знает! В весьма секретном докладе председателя совещания от 22 декабря 1906 г. раздел «Географические условия края» так и начинался: «Обращаясь теперь к более важному вопросу в деле защиты устьев Амура — к географическим свойствам края, надо сознаться, что, не смотря на то, что мы этим краем владеем уже 50 лет, мы знаем о нём слишком мало. До сих пор были сделаны отдельные съёмки, промеры, исследования различных районов этой местности различными же министерствами, главным образом, Министерством Путей Сообщения, но до сих пор мы не имеем карт, достаточно подробных, чтобы можно было с уверенностью ввести важный элемент подробного знания края в дальнейшие соображения Совещания по его защите» [ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 457. Л. 4 об.].

Наиболее ярко подобное положение дел видно на примере ситуации с информированностью об устье Амура. Участники совещания констатировали, что «судя по картам река Амур вливается в Татарский пролив двумя руслами. Однако, по заявлению местных жителей, по характеру распределения удельных весов и температур, по количеству вытекающей из Амура воды, а также по плаванию японских шхун нужно думать, что кроме вышеуказанных двух фарватеров *имеются и другие, нам не известные*» [ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 457. Л. 4 об.]. Предположения, не основанные на точных фактах, приводили к серьёзным ошибкам, ибо на самом деле фарватеров было именно два. Иными словами, знания по этому вопросу в петербургских канцеляриях остались примерно на уровне открытий Г.И. Невельского более чем полувековой давности! Когда разработка организации сухопутной обороны низовьев Амура, в т.ч. путём возведения различных фортификационных сооружений, была поручена специальной комиссии под председательством генерал-лейтенанта А.П. Вернандера, последняя смогла высказать

по этому поводу лишь общие соображения, ибо «отсутствие надлежащих планов и топографических съёмок мешает возможности разработать соответствующие проекты для обороны низовьев Амура у Николаевска, Софийска и Малмыжа». Причём в разделе об обороне Софийска прямо указывалось, что «полное отсутствие подробных карт лишает возможности наметить здесь оборону хотя бы с некоторою долею полноты», а соответственно все рассуждения строились на разного рода предположениях и домыслах [ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 457. Л. 4 об.].

В то же время понимание степени критичности сложившегося на Дальнем Востоке, да и в империи в целом, положения, было практически всеобщим. На тех же закрытых заседаниях СГО не только крупнейшие военные эксперты, но и представители императорской фамилии признавали: «Минувшая война окончилась для нас потерей нашего значения на Дальнем Востоке, как первоклассной державы, и уступкой сравнительно ничтожной части Сахалина. Неудача будущей войны грозит нам потерей Приморской Области, Сахалина, Камчатки и, главное, Владивостока — этой единственной базы для нашего будущего флота» [ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 457. Л. 2]. Более того, в весьма секретном докладе председателя особого совещания СГО об организации обороны низовьев р. Амур от 22 декабря 1906 г. вероятное будущее империи было обозначено чётко: «Прошлая неудача вызвала необычайные внутренние волнения в России, чрезвычайно её ослабившие, вызвала также на наших окраинах в Европе и Ближней Азии резкое проявление крайних автономных тенденций; вторичная неудача грозит целостности Российской империи и низведёт её на положение второстепенного государства» [ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 457. Л. 2, 3 об.]. По иронии судьбы этот документ был подан на имя председателя СГО великого князя Николая Николаевича-мл., ставшего впоследствии первым Верховным Главнокомандующим русской армии в последней войне Императорской России — Первой мировой.

После фактического прекращения в 1907 г. деятельности СГО, доказавшего свою неэффективность, в 1908 г. опять началась централизация высшего военного управления: ГУГШ и Александровский комитет о раненых были включены в состав Военного министерства, а генерал-инспекторы — подчинены военному министру. В 1908—1910 гг. было реорганизовано управление артиллерией, инженерными войсками и военно-учебными заведениями. Созданы должности генерал-инспекторов артиллерии и военно-учебных заведений (1910 г.). В 1909 г. были упразднены Главный крепостной

комитет (создан в 1904 г.), Комитет по устройству и образованию войск (создан в 1906 г.), а также должность генерал-инспектора пехоты, но восстановлена должность генерал-инспектора стрелковой части в войсках. В довершение всего в 1910 г. Главное управление казачьих войск, существовавшее с 1879 г., преобразовали в Казачий отдел Главного штаба [4, с. 36—37].

Оперативность и согласование любых действий, не говоря уже о преобразованиях, были одним из самых больных мест Российской империи. Причём скорость разработки концепции и нормативно-правовой базы военной реформы снижалась в первую очередь не сложной финансовой ситуацией в стране, а постоянным противоборством различных группировок военной элиты и двумя крупными реформами центрального аппарата Военного министерства.

Всё это привело к тому, что долго и мучительно разрабатывавшаяся после Русско-японской войны 1904—1905 гг. общероссийская военная реформа была готова только в 1909 г., а реализована в основном в 1910 г. [17, с. 113—145]. Не решив многих коренных проблем русской армии, она изменила, существенно упростила и улучшила её организацию [17, с. 113—145; 5, с. 83—92]. Одной из базовых идей реформы было дальнейшее совершенствование военно-окружной системы, введённой ещё в 1862—1865 гг., внесение в неё необходимых изменений в соответствии с современным уровнем развития армии, внешнеполитической и военно-стратегической обстановкой на границах империи.

Особая ситуация была на российском Дальнем Востоке, где на процесс преобразования системы военного управления, кроме вышеуказанных факторов, оказали существенное влияние региональная специфика и резкий рост после Русско-японской войны 1904—1905 гг. количества постоянно дислоцировавшихся на территории Приамурского военного округа войск. Достаточно сказать, что если до войны в округе размещались только два корпуса (слабого состава) — 1-й и 2-й Сибирские армейские, то после военной реформы 1910 г. корпусов (сильного состава) было уже три — 1, 4 и 5-й Сибирские армейские [9, с. 19, 70—74; 13, с. 399—400]. Списочный состав нижних чинов и офицеров в округе (в границах 1907—1918 гг., т.е. без Забайкальской области) составлял по данным на 1 января 1911 г. 100 321 и 3044 чел., на 1 января 1912 г. — 126 271 и 3038 чел. соответственно [6, с. 324, 341], а в 1902 г., до Русско-японской войны 1904—1905 гг., в округе (в границах 1884—1902 гг., т.е. с Забайкальской областью) насчитывалось не более 89 000 нижних чинов [ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 193. Л. 2—2 об.].

Столь масштабные преобразования войск и увеличение их численности потребовали корректировки не только военной, но и вообще всей системы управления российским Дальним Востоком.

Некоторые изменения в системе управления Приамурского военного округа начались вскоре по окончании Русско-японской войны 1904—1905 гг., т.е. ещё до завершения работы над планом общероссийской военной реформы, и продолжались вплоть до Первой мировой войны. Причина проста: независимо от шедшей в петербургских канцеляриях дискуссии по принципиальным вопросам военной реформы, было понимание того, что систему военного управления на Дальнем Востоке нужно как можно быстрее приводить в соответствие с современной обстановкой, что и делалось. По крайней мере, по частным вопросам, не вызывавшим серьёзных разногласий. Начали с Окружного штаба, в котором ещё в 1906 г. в качестве самостоятельного подразделения выделили заметно разросшийся с 1884 г. архив [12, Т. 26, № 27959]. Через год, в 1907 г., два казачьих отделения штаба свели в одно, включив его в состав Управления окружного генерал-квартирмейстера [12, Т. 27, № 28888]. В 1910 г. в составе штаба учредили управление военных сообщений, а затем и судное отделение [ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1331. Л. 326].

Систему военно-окружных управлений тоже начали улучшать ещё до начала реформы. В 1908 г. было сформировано самостоятельное Окружное военно-ветеринарное управление [ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1299. Л. 16]. В 1910 г. Окружное военно-медицинское управление переименовали в Окружное военно-санитарное управление [11, с. 171]. Далее Высочайше утверждённым журналом Военного Совета от 9 декабря 1910 г. было приказано, во-первых, возложить обязанности Окружного инспектора госпиталей на Окружного военно-санитарного инспектора, подчинив ему все находящиеся на территории округа постоянные военные госпитали, а во-вторых, «передать предметы ведения госпитального отделения Штаба Округа в Окружное военно-санитарное управление». Практическая реализация этих мер началась в округе только 18 апреля 1911 г., когда по получении документов из Петербурга Командующий войсками округа генерал-лейтенант П.А. Лечицкий отдал соответствующий приказ [ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1557].

В 1910 г. была учреждена должность инспектора полевых инженерных войск округа и сформирован его штаб, в 1912 г. их перестроили в должность и Управление инспектора инженерной части округа [11, с. 171], в котором сосредотачивались руководство

обучением военно-инженерных войск и контроль над этим процессом. Ранее часть этих функций выполняло Окружное инженерное управление, в том же 1912 г. переименованное в Окружное управление по квартирному довольствию войск, где было сосредоточено заведование крепостями, техническими и гидротехническими сооружениями, а также зданиями, занятыми под размещение войск и различных военных учреждений [3, с. 43].

Таким образом система военно-окружного управления Приамурского военного округа приобрела структуру, ставшую типовой для военных округов России накануне Первой мировой войны. Она включала в себя Окружной штаб (с отделами: окружного генерал-квартирмейстера, окружного дежурного генерала, окружного начальника военных сообщений, а также военно-топографическим отделом), Военно-окружной совет и 6 окружных управлений: артиллерийское, интендантское, по квартирному довольствию войск, инспектора инженерной части округа, военно-санитарное и военно-ветеринарное [1, с. 62—63; 10, с. 49—50; 14, с. 467; 15, с. 467].

Одновременно с этим на Дальнем Востоке происходило постепенное реформирование системы местного управления, причём как военного, так и гражданского. Ещё весной 1906 г. для удобства подавления выступлений первой русской революции из состава Приамурского военного округа и одноимённого генерал-губернаторства вывели вместе со всей системой гражданского и военного управления Забайкальскую область, присоединив её к воссоздаваемому Иркутскому военному округу [12, Т. 26, № 27565].

После этого было обращено внимание на оставшийся в составе России северный Сахалин, где в 1907 г. создали канцелярию начальника местных войск о. Сахалина, которым стал военный губернатор острова [12, Т. 27, № 29769]. В 1909 г. на этой территории, в отличие от Забайкалья, продолжавшей оставаться в составе Приамурского генерал-губернаторства и военного округа, была образована Сахалинская область во главе с губернатором (гражданским), в чьё ведение канцелярия и перешла [12, Т. 29, № 32146]. Однако после ликвидации Сахалинской местной команды в 1913 г. войск на острове не осталось, и военную канцелярию тоже упразднили [12, Т. 33, № 38792]. Военную канцелярию при военном губернаторе Приморской области, из состава которой вывели Сахалин и Камчатку, до начала войны так и не ликвидировали [13, с. 471; 15, с. 471]. Значительно меньше проблем в плане военного управления было с Камчаткой и Командорскими островами, которые в рамках

того же закона 1909 г. «Об административном переустройстве Приморской области и о. Сахалина» получили статус Камчатской области, тоже оставшейся в составе Приамурского генерал-губернаторства и военного округа. Поскольку оборонять эти территории в случае начала военных действий по-прежнему толком не собирались и войск там не было, то и аппарат военного управления при Камчатском губернаторе не создавался [12, Т. 29, № 32146].

Апофеозом военно-административных преобразований в регионе между Русско-японской и Первой мировой войнами стали два мероприятия, направленных на разделение системы военной и гражданской администрации. Вообще, система местного административного управления с 50-х гг. XIX в., т.е. с момента вхождения территории Приамурья и Приморья в состав Российской империи, была неразрывно связана с системой военного управления. Разделение их происходило медленно, по мере развития каждой из систем в отдельности. На 1910 г. пришлись два принципиальных момента этого процесса.

1. Была упразднена должность командующего войсками Амурской области и состоящих при нём чинов: обер-офицера Генерального штаба для поручений, старшего адъютанта (обер-офицера) и четырёх писарей. Соответствующий журнал Военного Совета от 2 сентября 1910 г. Николай II утвердил 6 октября [12, Т. 30, № 34268], а в округе об этом узнали только 14 ноября 1910 г., тогда и приступили к преобразованиям [ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1331. Л. 366 об.]. Традиционно, с момента учреждения области царским указом от 8 декабря 1858 г., должности командующего войсками Амурской области и военного губернатора Амурской области совмещал один человек [12, Т. 33, № 33862], а специальная должность обер-офицера Генерального штаба для поручений была создана при нём в 1890 г. В то время на этого офицера легли обязанности по сбору, систематизации и анализу данных, необходимых для обороны области [РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 147. Ч. 2. Л. 43; 12, Т. 10, № 6918]. Как отмечалось в «Отчёте по Главному штабу за 1910 г.»: «Возложение командования войсками, расположенными в некоторых областях окраинных военных округов, вызывалось в своё время недостаточно развитой организацией войск этих округов, не имевших своих высших войсковых управлений» [2, с. 7; 12, Т. 30, № 34268]. Теперь эта необходимость отпала. При этом военный губернатор Амурской области по-прежнему остался наказным атаманом Амурского казачьего войска [ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1331. Л. 366; 14, с. 471].

В рамках этого же административного преобразования Амурского воинского начальника подчинили начальнику 10-й Сибирской стрелковой дивизии, а «для собирания и разработки подготовительных данных для обороны Приморской области» учредили при её военном губернаторе особую военную канцелярию [2, с. 7; 12, Т. 30, № 34268].

2. Были разделены должности Командующего войсками Приамурского военного округа и Приамурского генерал-губернатора, которые с момента формирования округа в 1884 г. занимал всегда один и тот же человек. Первую занял генерал-лейтенант П.А. Лечицкий [ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1557], вторую — Н.Л. Гондатти. Эта мера несколько ограничила полномочия командующего, что вызвало явное недовольство военного министра В.А. Сухомлинова [16, с. 261—262], однако она была жизненно необходима. При резком росте группировки войск в регионе после Русско-японской войны 1904—1905 гг. и том уровне развития, которого достиг к этому времени край, один человек уже просто физически не мог справиться со всеми обязанностями, лежавшими на нём по линии двух министерств: военного и внутренних дел. Последнее наиболее ярко проявилось в ходе сенаторской ревизии 1910 г., которой были выявлены некоторые упущения со стороны П.Ф. Унтербергера — последнего человека, занимавшего обе названные должности. В компетентности и честности этого генерала сомнений не было, поэтому невозможность дальнейшего совмещения обеих должностей одним лицом стала очевидной. Именным Высочайшим указом от 6 декабря 1910 г. П.Ф. Унтербергеру было повелено стать членом Государственного Совета с оставлением в звании Сенатора. 26 декабря того же года он покинул Владивосток [ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1331. Л. 413].

Его сын, П.П. Унтербергер, отмечал: «Вопреки всему, очень быстро обнаружилось, что администрация не функционирует и далее беспрепятственно, как было прежде, когда вся власть была сосредоточена в одних руках. С одной стороны, это можно было отнести на счёт личного состава: Гондатти и Лечицкий друг друга на дух не переносили! Ни для кого не было секретом, что как только один прибывал в Хабаровск, другой — уезжал, что не должно было ни в малейшей степени способствовать управлению территорией, и в этом отношении огромный ущерб наносило то, что в этом городе находились обе резиденции». С другой — компетенции двух начальников оказались столь сильно переплетены, что моментально разделить их было просто невозможно [19].

Однако реформа дала в большей степени положительный, чем отрицательный эффект. К началу Первой мировой войны боеспособность войск Приамурского военного округа была поднята новым Командующим войсками на небывалую высоту, а край в руках нового генерал-губернатора продолжал успешно развиваться.

В 1911 г. удалось наконец решить и вопрос о подчинении Амурской речной флотилии, созданной после Русско-японской войны 1904—1905 гг. специально для обороны судоходной части р. Амур и его устья. 22 июля 1911 г. Николай II на основании всеподданнейшего доклада военного и морского министров повелел Амурскую речную флотилию подчинить Командующему войсками Приамурского военного округа «в отношении: 1) Установления для неё боевых задач, 2) Наблюдения за подготовкой в мирное время к выполнению этих задач и 3) Службы и дислокации судов флотилии в мирное время в бассейне р. Амура» [ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1557].

Таким образом, несмотря на сложности, вызванные географической спецификой региона и особенностями развития в нём системы военного и гражданского управления, теснейшим образом переплетённых между собой, военно-административные преобразования в Приамурском военном округе накануне Первой мировой войны удалось провести быстро, качественно и удачно. Это позволило военным всецело сосредоточиться на повышении уровня боевой готовности войск округа, сделав их в результате одними из лучших в империи. Именно удачность проведённых преобразований обусловила успешную работу системы военно-окружного управления в годы Первой мировой войны, а отдельных её элементов — даже во время войны Гражданской.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в начале XX века. М.: Наука, 1986. 238 с.
2. Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1910 г. СПб.: Военная типография, 1912. 89 с., прил. Приложение 1. Отчёт по Главному штабу за 1910 г.
3. Всеподданнейший отчёт Военного министерства за 1912 г. СПб.: Военная типография, 1916. 63 с., прил. Приложение 5. Отчёт Главного инженерного управления за 1912 г.
4. Высшие и центральные государственные учреждения России 1801—1917 гг.: в 4 т. Т. 4. Центральные государственные учреждения. Министерство иностранных дел. Военное министерство. Морское министерство. СПб.: Наука, 2004. 314 с.
5. Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. М.: Воениздат, 1926. 425 с.

6. История военно-окружной системы в России. 1862—1918. М.: Центрполиграф, 2012. 463 с.
7. Керсновский А.А. История русской армии: в 4 т. Т. 3. (1881—1915 гг.). М.: Голос, 1994. 352 с.
8. Краснознаменный Дальневосточный. Военно-исторический очерк о Дальневосточном военном округе. Хабаровск: Хехцыр, 2003. 400 с.
9. Краткое росписание сухопутных войск. Исправленное по 1 июля 1903 г. СПб.: Военная типография, 1903. 172 с.
10. Марков О.Д. Русская армия 1914—1917 гг. СПб.: Галлея Принт, 2001. 160 с.
11. Петренко В.М. Становление и развитие системы территориальных органов военного управления на Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2009. 216 с.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (ПСЗ РИ III). СПб., 1881—1913. Т. 10, 25, 26, 27, 29, 30, 33.
13. Росписание сухопутных войск. Исправленное по 1 декабря 1910 г. СПб.: Военная типография, 1910. 578 с.
14. Росписание сухопутных войск. Исправленное по 1 сентября 1914 г. СПб.: Военная типография, 1914. 578 с.
15. Росписание сухопутных войск. Исправленное по сведениям к 1 января 1912 г. СПб.: Военная типография, 1912. 578 с.
16. Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2005. 624 с.
17. Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М.: РОССПЭН, 2000. 399 с.
18. Menning B.W. "Bayonets before bullets". The Imperial Russian Army, 1861—1914. Bloomington: Indiana University Press, 1992. 334 p.
19. «Zwischen zwei Stülen». Betrachtungen, Gedanken und Erinnerungen von P.F. Unterberger = «Между двух стульев». Наблюдения, размышления и воспоминания П.Ф. Унтербергера // Семейный архив Эрики Георгиевны Унтербергер (Erika Unterberger), г. Гмунден, Австрия (Gmunden, Österreich).
20. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
21. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
22. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. Beskrovnyj L.G. *Russkaja armija i flot v nachale XX veka* [The Russian Army and Navy in the early XX century]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 238 p. (In Russ.)
2. *Vsepoddannejšij otchjot Voennogo ministerstva za 1910 g.* [The most devoted report of the War Ministry of 1910]. Saint-Petersburg, Voennaya tipografiya Publ., 1912, 89 p., app. Prilozhenie 1. Otchjot po Glavnomu shtabu za 1910 g. [Appendix No 1. The report of the Main Headquarters of 1910]. (In Russ.)
3. *Vsepoddannejšij otchjot Voennogo ministerstva za 1912 g.* [The most devoted report of the War Ministry of 1912]. Saint-Petersburg, Voennaya tipografiya Publ., 1916, 63 p., app. Prilozhenie 5. Otchjot Glavnogo inženernogo upravlenija za 1912 g. [Appendix No 5. The report of the Chief Engineering Board of 1912]. (In Russ.)
4. *Vyššie i central'nye gosudarstvennye uchrezhdenija Rossii 1801—1917 gg.* V 4 t. [Higher and central public institutions in Russia in 1801—1917. In 4 vol.].

- T. 4. Central'nye gosudarstvennyye uchrezhdenija. Ministerstvo inostrannyh del. Voennoe ministerstvo. Morskoe ministerstvo [Vol. 4. Central public institutions. Ministry of Foreign Affairs. War Ministry. Navy Department]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2004, 314 p. (In Russ.)
5. Zajonchkovskij A.M. *Podgotovka Rossii k imperialisticheskoj vojne* [Preparation of Russia for the imperialistic war]. Moscow, Voenizdat Publ., 1926, 425 p. (In Russ.)
 6. *Istorija voenno-okružnoj sistemy v Rossii. 1862—1918* [The history of the military district system in Russia. 1862—1918]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2012, 463 p. (In Russ.)
 7. Kersnovskij A.A. *Istorija russoj armii. V 4 t.* [The history of the Russian Army. In 4 vol.]. T. 3. (1881—1915) [Vol. 3. (1881—1915)]. Moscow, Golos Publ., 1994, 352 p. (In Russ.)
 8. *Krasnoznamjonnyj Dal'nevostochnyj. Voenno-istoricheskij ocherk o Dal'nevostochnom voennom okruže* [Decorated with the Order of the Red Banner Far East. The war-historical essay about the Far Eastern Military District]. Khabarovsk, Hehcyr Publ., 2003, 400 p. (In Russ.)
 9. *Kratkoe rospisanie suhoputnyh vojsk. Ispravlennoe po 1 ijulja 1903 g.* [The short schedule of the ground forces. Corrected until 1 July 1903]. Saint-Petersburg, Voennaja tipografija Publ., 1903, 172 p. (In Russ.)
 10. Markov O.D. *Russkaja armija 1914—1917 gg.* [The Russian Army in 1914—1917]. Saint-Petersburg, Galleja Print Publ., 2001, 160 p. (In Russ.)
 11. Petrenko V.M. *Stanovlenie i razvitie sistemy territorial'nyh organov voennogo upravlenija na Dal'nem Vostoke vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vv.* Diss. kand. ist. nauk [The formation and the development of the local military authorities in the Far East in the second part of the 19th century — at the beginning of the 20th century. PhD (History)]. Khabarovsk, 2009, 216 p. (In Russ.)
 12. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e (PSZ RI III)* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3]. Saint-Petersburg, 1881—1913. Vol. 10, 25, 26, 27, 29, 30, 33. (In Russ.)
 13. *Rospisanie suhoputnyh vojsk. Ispravlennoe po 1 dekabrja 1910 g.* [The schedule of the ground forces. Corrected until 1 December 1910]. Saint-Petersburg, Voennaja tipografija Publ., 1910, 578 p. (In Russ.)
 14. *Rospisanie suhoputnyh vojsk. Ispravlennoe po 1 sentjabrja 1914 g.* [The schedule of the ground forces. Corrected until 1 September 1914]. Saint-Petersburg, Voennaja tipografija Publ., 1914, 578 p. (In Russ.)
 15. *Rospisanie suhoputnyh vojsk. Ispravlennoe po svedenijam k 1 janvarja 1912 g.* [The schedule of the ground forces. Corrected until 1 January 1912]. Saint-Petersburg, Voennaja tipografija Publ., 1912, 578 p. (In Russ.)
 16. Suhomlinov V.A. *Vospominanija. Memuary* [Recollections. Memoirs]. Minsk, Harvest Publ., 2005, 624 p. (In Russ.)
 17. Shacillo K.F. *Ot Portsmutskogo mira k Pervoj mirovoj vojne. Generaly i politika* [From the Treaty of Portsmouth to WWI. Generals and policy]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2000, 399 p. (In Russ.)
 18. Menning B.W. "Bayonets before bullets". *The Imperial Russian Army, 1861—1914*. Bloomington, Indiana University Press Publ., 1992, 334 p. (In Eng.)
 19. «Zwischen zwei Stühlen». Betrachtungen, Gedanken und Erinnerungen von P.F. Unterberger ["Between two chairs". Reflections, thoughts and memoirs of P.F. Unterberger]. *Semejnij arhiv Jeriki Georgievny Unterberger, g. Gmunden, Avstrija* [Family archive of Erika Unterberger, Gmunden, Austria]. (In Germ.)